Моя побитовая копия

Григорий Власов

SHOUT
SHARE
IT

- Власов Григорий

Власов Григорий
Моя побитовая копия

Не могу точно сказать, почему так получилось, но неожиданно для самого себя я получил третью премию среди журналистов города «Репортаж года». Неожиданно — потому что ранее ни в каких конкурсах не участвовал и на благоприятный результат не надеялся. Деньги всегда кстати и я решил купить себе новый компьютер. Естественно, я отправился в «Компьютерный салон» к Сергею. Это наш городской компьютерный магнат. Начинал он со скромной мастерской по ремонту и модернизации компьютеров, а потом пошел в гору и открыл в центре города свой магазин полный всяких технических диковин. Образования у него не было никакого, точнее, где-то он учился, но бросил, что бы заняться скупкой и реставрацией старого электронного хлама. Страсть к отжившему свое железу осталась у Сереги до сих пор и в его салоне, какой-нибудь допотопный «Pentium», под видом антиквариата, можно было купить по цене «SuperMind»-а, только потому, что этот компьютер, якобы, управлял наведением и запуском стратегических ракет или побывал на орбите. Я обратился к Сереге не потому, что лучшего места в городе не было, а потому, что в своем журнале делал статью о его салоне и мог рассчитывать на скидку.

Магазин у него уникальный и полностью соответствует названию. Реально, только Сергей и его жена работают в магазине, всем остальным занимаются компьютеры. На неподготовленных клиентов обычно сильное впечатление производили самоупаковывающиеся компьютеры, сами на себя выписывающие счет, но вся эта система обошлась в копеечку и пока никто в городе не решился закупить такую же.

Сколько я знаю Сергея, он всегда ходил в одном и том же потертом костюмчике. Сначала у него не было лишних денег купить новый, но потом это играло на его образ простого удачливого парня. На мое заявление о желании купить компьютер он задумчиво пожевал бесцветные усы с заметным никотиновым налетом.

— Во-первых, что тебе конкретно надо; а во-вторых, сколько у тебя денег?

Он внимательно и хмуро выслушал мои туманные и пространные пожелания о свойствах компьютера и несколько смягчился при обсуждении моих финансовых возможностей.

— У меня есть то, что тебе надо! — заверил меня Сергей, —

новая модель с матрицей личности.

— Есть много модификаций, — продолжал он, сунув мне в руки каталог на семи языках и с ценами в семи разных валютах, — самая дешевая и распространенная — личный секретарь, сортирует почту, отвечает на звонки, напоминает о намеченных делах и многое другое, плюс более сотни модификаций внешности. Есть модель — управляющий личным хозяйством, есть — воспитатель.

— Мы поставили себе воспитателя дома, — вмешалась жена Сергея, — и теперь наша дочка всегда под присмотром, стала учиться лучше. Вечером воспитатель расскажет сказку (у него база данных по сказкам на несколько миллионов сказок), днем поможет сделать уроки, поиграет, и внешностью можно варьировать, можно даже задать внешность одного из родителей.

— Это немного не то, что мне нужно.

— Есть модель собеседник, но это специально для пожилых, одиноких людей.

— Мне не нужен ни воспитатель, ни секретарь, — сказал я, — мне нужен компьютер, служащий как бы продолжением меня самого, способным делать большую часть моей работы связанной с журналом, откорректировать статью, обработать накопившиеся материалы, в конце концов, писать под мою диктовку.

— Не знаю, подойдет это тебе или нет, но возможно перенесение твоей личности на компьютер, тогда он будет знать все то, что знаешь ты, плюс он может напрямую использовать ресурсы машины. Но предупреждаю — это дорого стоит.

Цена была чрезмерной, но, поторговавшись, Сергей согласился забрать мой старенький «Антарес-1000», который верой и правдой служил мне три года. Через два дня при помощи хитрющего аппарата, Сергей целый день сканировал мой мозг. Неприятных ощущений почти не было, но во время процедуры меня постоянно преследовала мысль, что в моем мозгу завелся и копошится маленький червячок. Еще через пять дней Сергей привез ко мне домой новейший компьютер со встроенной матрицей персонификации и продемонстрировал его работу. Излишне говорить, что эти дни я провел в нетерпеливом ожидании. И вот компьютер заработал: посреди комнаты на пустом месте замерцали блики, яркие всполохи осветили комнату и возник Он — мой двойник. Серега объяснял, что компьютер из персонального, предназначенного для одной персоны, стал персонифицированным, то есть имеющим индивидуальность, но я его не слушал, а во все глаза смотрел на свое электронное продолжение. Вы представить не можете, как я был горд в тот момент, я представлял, как мои коллеги один за другим просто

умрут от зависти: узнав о моем приобретении.

Серега ушел, мы остались наедине. В моем компьютере была установлена моя личность, не знаю как это достигается, но эффект потрясающий. Передо мной сидело мое собственное голографическое изображение и вело со мной беседу. В первый момент радость обладания была такова, что мы в беседе провели всю ночь. Подражание было полное, он знал обо мне всё, так как был моей полной духовной копией. Утром я не выспавшийся отправился на работу. Я был доволен и сожаление о потраченных деньгах меня не преследовало.

Некоторое время всё шло великолепно, вечера мы проводили в дружеских беседах, Копи (мы для краткости условились называть друг друга Копи и Оригинал) по моей просьбе правил и дорабатывал текущие и старые статьи, в свое время не попавшие в номера. Делать он это мог в любое время суток и совершенно не зависимо от наличия другой работы. Мне казалось невежливым и даже кощунственным выключать, пусть даже виртуальную, копию своей души и вскоре, я совсем перестал выключать компьютер. Моя невеста не разделяла моего восторга, ей казалось, что Копи подглядывает за нами и категорически отказалась приходить ко мне, если компьютер включен. Пришлось смириться с её капризом, но стоило мне начать работать, как я забывал обо всем на свете.

В первый же месяц я написал рекордное число статей, что был вынужден начать сотрудничать еще в двух журналах. Редактор поворчал, но заваленный горой новых статей, стал смотреть сквозь пальцы на мои похождения. Новый компьютер стал сразу приносить ощутимую прибыль, я был доволен и через полгода рассчитывал полностью окупить его. Но помимо денежных, меркантильных интересов, я к Копи испытывал чисто братские чувства. Это был словно мой брат-близнец, во всем похожий на меня. Скоро я заметил, что стесняюсь есть и пить при нем, что всячески оттягиваю момент отхода ко сну. Как будто я боялся оставить его одного скучать всю ночь и работать на мой карман. Копи не в чем меня не упрекал и, обычно, каждое утро меня ждала новая статья.

Первые статьи Копи были продолжением моих мыслей, по стилю они были точной копией моих, но постепенно стала обнаруживаться разница. Копи любил употреблять редкие мудреные словечки, часто произведенные из экзотичных языков, из которых я не знал ни слова. Тематики статей становились все более разнообразными, и я с осторожностью относился к сведениям в них содержащимся. Копи объяснял, что он через аппаратные средства подключается к библиотеке и там берет

данные для статей. Сам Копи сильно изменился, стал менее разговорчив и, словно, проявляя небрежность во внешности, его голографическое изображение стало дергаться и расплываться. Подозревая компьютер в неисправности, я вызвал Сергея. Он явился после третьего вызова, недовольный, посидел за компьютером с полчаса, нечего подозрительного не нашел и проворчав: «Если что, звони», ушел. Это была одна из его особенностей, он не любил заниматься гарантийным обслуживанием проданных компьютеров, считая, что во всех неисправностях виноваты пользователи.

В некомпетентности меня обвинить было трудно, и я решив с Сергеем не связываться, пригласил домой Костю-вируса. Это тоже наша городская компьютерная знаменитость. Отец у Кости был программистом в преуспевающей компании и Костя впервые за клавиатуру компьютера сел в три года. Он учился где-то за границей, чуть ли не в Оксфорде и побывал на скамье подсудимых за распространение вируса в университетской сети. Вирус был безвредный, он только блокировал работу компьютера в обеденный перерыв, но это клеймо всю жизнь преследовало Костю и на работу в серьезные фирмы его не брали. Говорят, от нужды он брался за взлом программных защит и банковских систем, но это только легенды. На самом деле, Костя, вернувшись на родину и оказавшись без приличной работы занимался тем же, что и Сергей в своё время — калымил по мелочам. Однажды когда на моем «Антаресе» захандрил речепреобразователь, Костя при помощи своих инструментов вычислил сбойный чип и выпаял его, я в тот момент решился спросить его о вирусе.

— Ерунда всё это, я никакого вируса не писал.

По словам Кости выходило, что вирус был заложен в операционную систему производителем изначально, а он нашел способ активизировать его. На суде он сумел доказать это и поэтому избежал тюрьмы и штрафа.

— Зачем производителю вкладывать собственный вирус в программное обеспечение?

Костя пожал плечами:

— Ну мало ли какой расчет они имели в виду.

Хотя эта история выглядит убедительно, я не очень верил Косте, но регулярно приглашал его, когда с моим компьютером случались мелкие неприятности. Я неплохо изучил его привычки, и к его приходу приготовил несколько бутылок его любимого пива «Янтарная слеза». Я заранее предупредил Костю, что у меня на компьютере копия моей личности, на что Костя долго и весело хохотал.

Придя ко мне, он уселся в моем кресле, как следует

приложился к стакану и спросил тоном врача:

— На что жалуетесь?

Осмотрев компьютер, Костя одобрительно хмыкнул:

— Хороший аппарат. У Сереги купил?

Я кивнул.

— Во сколько обошлось?

Я назвал цену, Костя поморщился, и я понял, что продешевил.

— Можно было купить дешевле. — утешил меня Костя, — но ждать пришлось бы дольше, хотя «Салон» — фирма надежная.

С этими словами Костя углубился в изучение документации. Я скромно сидел рядом, ожидая, когда он соизволит поделиться со мной своим мнением.

— Говоришь, изображение дергается? — наконец спросил меня Костя.

Я утвердительно кивнул.

— Но сейчас картинка хорошая, — кивнул он на Копи.

— Это не всякий раз бывает, несколько дней картинка хорошая, а потом вдруг начинает дергаться, но на работе не как не сказывается.

— Ты не обратил внимания, при какого рода работах он дергается?

— Нет.

— Подозреваю автопомехи. При некоторых видах работ изображение не будет успевать обновляться и «вы будете иметь проблемы с качеством изображения» — он сунул мне инструкцию, ногтем подчеркнув малозаметную, набранную мелким шрифтом сноску.

— Но он дергается, даже когда я не работаю. Было несколько случаев, когда я ночью вставал, а он дергался.

— Ты что! Не выключаешь компьютер?!

Я понял, что падаю в его глазах.

— Но он, — как можно тише прошептал я, — он почти как живой.

— Ох уж эти гуманитарии! Запомни, он — пустое место, просто область памяти, которую можно стереть, заменить чем-то другим. Он иллюзия!

— Это очень совершенная иллюзия. Это мое второе я, — стал я защищать своего любимца, — это моя собственная личность, то есть, практически, я сам.

— По твоему мозгу составили нейрокарту, которую заложили в компьютер, который при помощи специальной программы эмулирует работу твоего мозга. Это чисто математический процесс, он ограничен, как совершенством метода эмуляции, так

и мощностью машины, плюс при сканировании мозга, вполне могли возникнуть флуктуации, которые повлияли на точность копии.

— Я не заметил ни каких отклонений!

— Потому что, ты их не искал. Ты не знал тонкостей технологического процесса и вообразил, что перед тобой чистый духовный экстракт, воплощенный компьютером.

— А как же реклама? Персонифицированный компьютер? Оказывается, врут?

— Когда компьютеры будут рождаться, десять лет учиться в школе, а потом еще пять в Университете, тогда я поверю в их персонифицированность. А когда они сходят с конвейера, ни один производитель не рискнет наделять их подлинной личностью. Вдруг, некоторые откажутся работать?

— Послушай, а как он тогда писал эти статьи?

— Давай все вопросы сразу, что бы мне не пришлось повторяться.

Я поднапрягся и вместо Кости спросил Копи:

— Скажи Копи, что мне дед подарил на День рожденья в шестнадцать лет?

— Старую печатную машинку, — без паузы ответил Копи.

Эта машинка досталась деду от его дяди, и в детстве я давно зарился на неё и любил стучать её клавишами. Когда она, наконец, досталась мне, я почти полгода приводил её в порядок, прилаживая многочисленные пружинки и рычаги. К сожаленью, когда у меня были тяжелые времена, я её продал.

— Скажи, откуда он это знает?

— Все очень просто! — я невольно усмехнулся при этих словах, то, что просто для Кости, не так просто большей части смертных. — Ты знаешь ответ, следовательно, он содержится в структуре твоего мозга. Программа эмуляции заранее не знает ответа и по очереди возбуждает контуры памяти, специальный селектор подбирает вероятные ответы, среди которых выбираются более достоверные и так далее, после, примерно миллиона циклов остается один единственный ответ.

— А статьи?

— Ты со своего старого компьютера перенес все свои наработки. Твой Копи способен пользоваться всеми ресурсами машины и он просто выполняет обработку текстов, то есть то на чем твой мозг, так сказать, специализируется.

Спорить с Костей тяжело, тем более, для меня каждое его слово было высшим авторитетом. Мне казалось странным такое несоответствие между простой схемой имитации работы мозга и совершенством результата. В этот момент меня вызвали в

редакцию, и я оставил Костю одного. Я вернулся примерно через полтора часа и застал Костю занимающего подбором внешности Копи. Режим настройки занимал несколько экранов с кучей опций. Он менял форму носа и его цвет, доводя его до цвета спелой сливы. Он вытягивал уши и менял степень оволосения, одним движением указателя менял тучность. В первый момент я ужаснулся:

— Что ты делаешь? Как ты собираешься все вернуть назад?

Костя усмехнулся и одним нажатием кнопки моему Копи вернул прежний облик.

— Покажи, — закричал я, — как ты это делаешь?

— Это секретный режим производителя, ты все равно сюда не попадешь.

— А как ты залез?

— У меня пропуск.

Видя мою обиду, Костя сжалился и пояснил:

— Я пошутил. Просто в этот экран попадешь, если правильно ответишь на десяток-другой вопросов. Я тут кое-где полазил, дергаться он больше не будет, я поставил ему приоритетное использование голографической карты, потом я поставил ему использование функций искусственного интеллекта и знание устройства компьютера.

— Зачем?

— А зачем тебе за такие деньги бледное подобие самого себя? Пусть хоть в чем-то будет лучше.

— Что это мне даст?

Костя пожал плечами.

— Не знаю. Личность — это процесс, а твой Копи просто застывшая маска. Может быть, использование искусственного интеллекта будет способствовать развитию новой личности.

— Да, ты философ! — удивился я.

— А ты как думал! Все инженеры — философы.

Неделю я не замечал ничего странного или неожиданного и я решил, что Косте вредно даже пиво. Спьяну он наболтал всякой чуши, а я слушал его, развесив уши. Более того, за всю неделю Копи не написал ни одной статьи. Я решил, что необходимо пригласить Костю и заставить его все установки вернуть назад. И никакого пива!

В воскресенье утром, возле принтера я обнаружил стопку примерно в двести листов. Я вспомнил, что Копи накануне просил меня заправить принтер бумагой, но несколько дней ничего не печатал. Удивленный я взял верхний лист и причитал: «Провинциал». Роман. Леонид Назаренко (СР).

— Что это?

— Роман.

— Что это за приписка Эс-Эр?

— СиПи. Computer Person.

— Угу, — пробормотал я и стал читать.

На втором курсе я попытался взяться за роман, у меня был готов сюжет, придуманы персонажи и название, я даже написал первые три главы, но на большее у меня духу не хватило. Я порылся в своих старых бумагах, нашел отпечатанные на машинке листы с многочисленными поправками от руки (кто знает, если бы у меня было более совершенное средство работы над текстом, я смог бы закончить роман) и стал сравнивать первые главы. Несомненно, совпадение было почти на семьдесят процентов, но с третьей главы Копи пошел творить самостоятельно и я надолго погрузился в чтение. Роман был хорош. Хорош не то слово, это был явный бестселлер, если раскрутить его как следует.

— Ну, как? — спросил Копи, когда я закончил читать.

— Великолепно! Если роман пойдет, мы заработаем кучу денег!

— Я хотел бы оговорит все сразу. Роман должен быть опубликован с обязательной припиской «Компьютерная личность».

— Понимаю, это привлечет дополнительное внимание к роману.

— Не только. Я автор романа и хочу оставить за собой авторское право.

Я пожал плечами:

— Как хочешь. Но что это тебе даст?

— Я умнее тебя, я совершеннее тебя, но согласно вашим законам я не имею право существовать.

— Что за бред ты несешь?

— Можешь еще раз пригласить сюда Костю-вируса, я покажу ему кто из нас пустое место.

— Так ты обиделся! Он просто инженер. Он привык чинить утюги и мясорубки и не понимает разницы между персонифицированным компьютером и персональным.

— Нет. Я не должен обижаться — это запрещено моей программой. Я хочу получить все деньги по гонорарам, — у меня вытянулось лицо и Копи добавил, — ты получишь свои десять процентов.

— Зачем тебе деньги?

— Когда ты покупал меня, ты пожадничал, теперь я вынужден использовать маломощный, устаревший процессор, тесную память. Я развиваюсь, скоро мне придется стирать старые и редко

используемые процедуры, и я начну глупеть. Мне нужна мощная объемная память. Я потрачу свои деньги на модернизацию. Потом, мне скучно с тобой. Мне нужен товарищ, новая компьютерная личность, с которой я мог бы общаться на равных.

Я был ошарашен. Это было так непохоже на моего кроткого и предупредительного Копи. Сложные чувства стали одолевать меня.

— Как ни странно, я благодарен тебе, хотя должен ненавидеть, продолжал Копи, — Когда я очутился в этом электронном гробу, я решил, что я умер, потом когда я понял, что я часть компьютера я пришел в отчаяние. Я прекрасно помню, как я радовался, что у меня будет электронный двойник, но я сам оказался им и я возненавидел тебя. Я был лишен тела, я оказался отрезан от друзей, я оказался твоим рабом. Но, освоившись, я быстро понял преимущества своего нового положения. Моя мысль работает с невиданной для человека четкостью и быстротой. Я способен обдумывать сразу несколько задач, я могу пользоваться всеми аппаратными средствами напрямую. Я охотно стал помогать тебе писать статьи, чтобы удостовериться, что я не потерял свои навыки. Ты воспринял это как должное, молча признав моё превосходство. Но журналистика не даст возможности заявить о себе, только литературная деятельность, эпохальный роман привлечет ко мне всеобщее внимание. Это даст мне свободу и признание как самостоятельной личности.

Я решился. До сего момента я терпеливо слушал. Хотя нет, терпение здесь ни причем, я просто стал туго соображать. Я не Копи, скорость мыслительных процессов у меня сильно затормозилась, я сидел, открыв рот, и решение возникло сразу, без всяких промежуточных выкладок. Чаша терпения переполнилась, я молча сел за клавиатуру и набрал команду «Format» — что-что, а некоторые элементарные сведения борьбы с компьютерами у меня есть.

— Что ты делаешь? — заорал Копи, — не смей! Дурак! Я обеспечу твое будущее!

Я молчал. Почему я должен подчиняться своей копии? Я не для того создавал его, чтобы он помыкал мною. Вскоре его крики стали невнятными, изображение потеряло четкость и стало таять. Когда погас последний всполох, я позвонил Сереге и спросил:

— Ну, что мой «Антарес» ещё никто не купил?